КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го февраля **№ 4.** 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

БЕСѢДА 3-я

о совершеніи погребенія и поминокъ.

На сей разъ буду говорить съ вами о томъ, какъ ведете вы себя и какъ должны бы вести при погребеніи и на поминовеніяхъ усопшихъ.

Все ли у васъ и въ это время ведется по христіански?—Ахъ, кто же не знаетъ, что и тутъ водка и тутъ пьянство, какъ и на крестинахъ и на свадьбахъ!

Говорите, что безъ водки веселиться нельзя;—такъ можно, покрайней мѣрѣ, плакать безъ водки. Странно, право, какъ та же водка оказывается пригодною и въ слезахъ и въ плачѣ, и въ радости и въ горѣ.

Пьешь на крестинахъ, на свадьбѣ,—за чѣмъ еще при погребеніи пьешь? Или и при погребеніи тебѣ хочется веселиться и радоваться?

Ахъ, нѣтъ!—скажешь; но та водка имѣетъ въ себѣ

какую-то дивную мощь и силу: въ радости она еще болѣе развеселитъ человѣка, въ горѣ—слезы возбуждаетъ. Выплачешься, и легче какъ-то станетъ на душѣ.—Но, говоря это, ты и самъ сознаешься, что то уже не сердце твое, но водка, которая въ тебѣ,—она и плачетъ и смѣется.

Христіанское погребеніе, христіанскія поминки, и на нихъ-то или послѣ нихъ предаются люди такому пьянству, какого не увидишь въ другое время!

Выносятъ тѣло изъ дому.... ахъ! можетъ быть отца, матери, мужа, жены, сына молодаго, дочери недозрѣлой. Кругомъ плачь, рыданіе! Бѣдные сироты! ктожъ теперь позаботится объ васъ? Нѣтъ отца, который присмотрѣлъ бы за вами, воспиталъ бы васъ, нѣтъ матери, которая прижала бы васъ къ своему сердцу: кто васъ научитъ теперь, какъ должны вы любить Бога, почитать, исполнять святыя заповѣди Его? Кто приставитъ для васъ горшечекъ къ огню, кто отрѣжетъ вамъ кусокъ хлѣба?...

Бѣдные родители! гдѣ ваша помощь, которой такъ долго ожидали, гдѣ ваша отрада, гдѣ ваша надежда? Кто теперь утѣшитъ васъ, кто присмотритъ за вами въ старости вашей? Пойдетъ мимо добро ваше, что съ кровавымъ потомъ столько лѣтъ собирали!

Бѣдная вдова! какъ теперь безъ мужа ты устроишься въ хозяйствѣ съ дѣточками малыми? Кто защитить тебя и дѣтей отъ неправды, кто огрѣетъ, пропитаетъ васъ?

Бѣдный вдовецъ! какъ станешь жить теперь безъ подруги твоей жизни? Кто раздѣлитъ твою радость, кто утѣшитъ тебя въ горѣ, подастъ добрый тебѣ совѣтъ? Кто присмотритъ твоихъ маленькихъ дѣточекъ,—обмоетъ ихъ и причешетъ и бѣлую рубашечку къ празднику Господню надѣнетъ?

Печально гудутъ колокола, причетъ поетъ скорбныя пѣсни, поднимаютъ *мары*, выносятъ, ставятъ гробъ на возъ и пара коровокъ или тощенькихъ быковъ по заросшей дорожкѣ тащатъ до кладбища смертные останки хозяина и его убогую *домовину*.

Какая тутъ не поддѣльная горесть на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, какая скорбь свѣтится въ ихъ очахъ, сколько тутъ вздоховъ, слезъ и тихихъ молитвъ, едва прерывающихъ печальную тишину!

А потомъ опускаютъ мертвое тѣло въ землю, изъ которой оно взято, посыпаютъ его землею, въ которую оно само имѣетъ обратиться, кропятъ освященною водою, васильками прикинутъ сверху и пепломъ изъ кадила присыплютъ, помолятся, еще разъ поплачутъ, и тихо пойдутъ въ домъ покойнаго.

Вотъ погребенiе христiанское! Тутъ горесть и слезы, но вмѣстѣ молитва и сладкая надежда. Тотъ, кого вы похоронили, не умеръ на вѣки, но воскреснетъ для жизни вѣчной. На время онъ сгнiетъ, обратится въ землю, станетъ пепломъ, какимъ присыпали его гробъ; но настанетъ часъ, опредѣленный Богомъ, и онъ оживетъ снова и вѣчно будетъ зеленѣть въ царствiи небесномъ, какъ *барвинокъ*, которымъ вы украсили гробъ его, и вѣчно благоухать славою отца небеснаго, какъ благоухаютъ, никогда не теряя запаха своего, васильки, брошенные въ его могилу.

Чего еще хотите вы? Что болѣе нужно для покойнаго, какъ только предать тѣло его землѣ съ подобающею честiю и любовiю, оплакать разлуку съ нимъ и помолиться о упокоенiи души его въ царствiи небесномъ? Кажется, на этомъ бы и конецъ. И о если бы на этомъ былъ конецъ! если бы всѣ родные и друзья покойника, отдавши ему послѣднiй долгъ любви и молитвы, возвращались въ домы свои къ своимъ обыкновеннымъ дѣламъ и занятiямъ! Все это было бы прекрасно, достойно хвалы, свято и благоугодно и весьма натурально.

Но нѣтъ! погребенiе у насъ, начинаясь въ домѣ, продолжаясь въ церкви и на кладбищѣ, кончается въ корчмѣ, и то, что начато и продолжалось по христiански, кончается по сатанински. Такъ-то злой духъ всюду вмѣшивается,—между плачущихся и смѣющихся, и вездѣ собираетъ себѣ десятину!

Пьютъ люди за душу покойника, чтобы онъ и по

смерти зналъ, какъ его любили при жизни, пьютъ чтобы показать ему, какъ умѣютъ они почитать память его! Выпьемъ за покойника, выпьемъ, чтобъ ему легко было въ землѣ лежать,—такъ утѣшаютъ другъ друга плачущіе, и пьютъ, сколько есть силъ и возможности. Пьютъ они, а тѣмъ временемъ бѣдные сироты сидятъ въ пустой и убогой хаткѣ, некому пожалѣть объ нихъ, никто къ нимъ не заглянетъ, никто не накормитъ ихъ, никто слезъ ихъ не осушитъ.

Только покойника не забываютъ его родные, *справляютъ за него третины, девятины, сорочины.* Меньше тутъ слезъ, но гораздо больше пьянства. А душа покойнаго ходитъ по мытарствамъ, истязываютъ ее, задерживаютъ злые духи, и нѣкому подать помощь душѣ покойника. Много денегъ передаютъ шинкарю, и это ли жертва за душу покойнаго? О, нѣтъ! душа требуетъ молитвы, милостыни, а не свѣтлыхъ обѣдовъ, и ваше пьянство не введетъ ее въ рай.

Проходятъ дни и мѣсяцы, о покойномъ давно перестали плакать, его совсѣмъ почти забыли, но вспомнятъ черезъ годъ—сытымъ обѣдомъ и продолжительнымъ пьянствомъ. Такъ засвидѣтельствуютъ предъ нимъ свою любовь, свою память объ немъ! И будутъ потомъ вспоминать объ немъ каждый годъ, по нѣскольку разъ, на проводы, на Дмитра и въ другіе дни, все также, какъ и въ тотъ день, когда предавали тѣло его землѣ.—Правда, что поминая усопшихъ, вы молитесь объ нихъ, слушаете заупокойную литургію, слушаете панихиду въ церкви и на могилахъ ихъ. Все это прекрасно, Богу угодно и для душъ умершихъ полезно; но то не хорошо, что и тутъ, *начнете духомъ,—плотію скончаваете,* т. е. помолившись Богу отъ души, предаетесь потомъ объяденію и непомѣрному пьянству, которое тянется у васъ иногда, какъ напр. на проводы, два и три дня. Стыдно вспомнить, что дѣлается у васъ на этихъ поминкахъ. Безчувственно пьяный сынъ, какъ покойникъ, лежитъ на могилѣ покойнаго отца. Не оскорбленіе ли это для памяти почившаго, не

поруганіе ли надъ нимъ? Иной едва добредетъ до воротъ кладбища, тамъ и уснетъ, иной свалится на улицѣ подъ *тыномъ*, а тамъ домой доберется, подниметъ шумъ, крикъ, избранитъ, изобьетъ жену, дѣтей перепугаетъ! Такъ-то кончаются иногда поминки! А сколько въ это время въ корчмѣ пьянаго, подгулявшаго народа! Для многихъ поминки—это именно случай напиться болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ нетолько карманъ, но даже и здоровье. Играетъ музыка, поютъ, пьютъ, танцуютъ, веселятся, о покойныхъ давно забыли... Праздникъ, подумалъ бы кто нибудь со стороны. Нѣтъ, то родителей поминаютъ! Такъ-то поминаете родителей вашихъ? Такъ дѣлали язычники, въ Бога не вѣровавшіе, а вы христіанами называетесь.

Правда, и тутъ, какъ и на кладбищѣ, вы часто вспоминаете покойниковъ;—никто не выпьетъ безъ того, чтобы не сказать: „вѣчный покой душамъ помершимъ, а намъ Боже дай на здоровье!“ Иной даже перекреститтся, хотя и не твердою рукою, вздохнетъ и заплачетъ, да пользы отъ этого никакой ни ему, ни тому, кого при этомъ онъ вспоминаетъ. Или вы думаете, что эти вздохи, эти слезы, эти киванія головой, это желаніе вѣчнаго покоя душамъ умершимъ что нибудь значатъ для нихъ и для Бога? Ахъ, не услышитъ Господь молитвы, которую произносятъ пьяныя уста, не подастъ облегченія душамъ умершихъ за пьяный вздохъ, не пошлетъ здоровья и тому, у кого колеблется съ молитвой рюмка въ рукахъ! А если бы знали, какъ думаютъ объ васъ въ это время ваши родители и родные, отшедшіе отъ міра сего!—они смотрятъ на васъ съ сожалѣніемъ, они плачутъ объ васъ, болѣе вамъ желаютъ спасенія души, нежели вы имъ, и, если бы возможно было, готовы были бы послать къ вамъ кого либо изъ мертвыхъ, чтобы образумить васъ. Въ святомъ евангеліи читаемъ, что богачь, мучась въ огнѣ адскомъ, вспомнилъ, что у него есть пять братьевъ на землѣ, и просилъ Авраама, чтобы тотъ послалъ къ нимъ Лазаря разсказать имъ обо всемъ, чтобы и они не перешли на мѣсто мученія.—Видите, какъ умершіе скорбятъ и заботятся объ насъ жи-

вущихъ земли!—Что же Авраамъ отвѣчалъ богачу? *Имутъ Моусея и пророки: да послушаютъ ихъ.* Мы имѣемъ законъ евангельскій, которому такъ противно всякое пресыщеніе и пьянство,—ужели его не послушаемъ?

Ахъ, братья мои! еще разъ скажу вамъ,—не сытыхъ обѣдовъ, не частаго выпиванья, но милостыни и молитвы требуютъ отъ насъ души умершихъ. Молитесь же за умершихъ и вмѣсто того, чтобы при этомъ самимъ объѣдаться и напиваться, подавайте за нихъ милостыню нищей братіи. Этимъ—и только этимъ вы достойно почтите память ихъ и испросите у Бога для себя и для нихъ души спасеніе, грѣховъ отпущеніе.—Аминь!

БЕСѢДА 4-я

о судѣ и расправѣ въ простомъ народѣ.

Крестины, свадьба, похороны—это самые главные и важные случаи въ жизни нашей, это какъ бы цѣлая жизнь человѣка. Подумайте, какъ много милости, помощи и благословенія Божія потребно намъ въ этихъ случаяхъ, а мы какъ бы ни во что ихъ ставимъ. Ищемъ покровительства и помощи у врага душъ нашихъ, и онъ не отказываетъ намъ въ нихъ ко вреду и погибели душъ нашихъ.

Но довольно объ этихъ случаяхъ. Надѣюсь, что послѣ того, что я говорилъ вамъ объ нихъ, между вами не будетъ уже того, что было доселѣ, и вы будете чтить и праздновать эти случаи по закону, по христіански.

Теперь я намѣренъ еще поговорить съ вами о томъ, чѣмъ наполняется обыкновенно наша жизнь между крещеніемъ и свадьбою, между свадьбою и погребеніемъ. А чѣмъ наполняется она? Работою, трудомъ, тяжкимъ, непрерывнымъ трудомъ, которому настаетъ конецъ только тогда, когда человѣкъ ляжетъ для того, чтобы не вставать болѣе на этомъ свѣтѣ. Незавидная ваша доля! Горюй, трудись, цѣлый свой вѣкъ отъ ранняго утра до поздней ночи, и—что же наконецъ? Только и утѣшенія, только и награды, что заработаешь себѣ же на *домовину*, а иному и того не придется заработать. Тяжкая жизнь! А сколько въ ней непріятностей, огорченій! Бѣды не избѣжишь, какъ смерти, да и то еще бѣда, что одна бѣда не ходитъ никогда. Есть ли, спросите, возможность сдѣлать эту жизнь легче, сноснѣе?

Есть,—отвѣчаю, и вотъ между прочимъ что нужно для этого. Будьте справедливы, не имѣйте зерна неправды за собою, не допускайте малѣйшаго самоуправства, и—

повѣрьте—вамъ самимъ въ десять, во сто кратъ придется менѣе терпѣть.

Судіе творите судъ и правду! Горе обидящимъ, горе пхающимъ сира и вдову! Это слова святаго писанія, слова Божіи. Думаете ли, что такъ Господь говоритъ только тѣмъ, которые чинятъ судъ и расправу? Совсѣмъ нѣтъ; но и ты простой человѣкъ—судья въ своемъ хозяйствѣ, въ своемъ домѣ, и хотя не имѣешь права на расправу, но самоправно чинить расправу со всѣми, дѣйствительно, или мнимо обидѣвшими тебя. Будь же справедливъ во всемъ и всегда, по правдѣ живи, по правдѣ и умрешь.

Ты судія въ своемъ хозяйвтвѣ, будь же правдивымъ судьею, и Господь воздастъ тебѣ по правдѣ твоей. Есть у тебя скотинка, которая работаетъ за тебя и вмѣстѣ съ тобою, нетвори неправды надъ нею, и она послужитъ тебѣ болѣе и долѣе, чѣмъ ты думаешь. Во время накорми ее, во время напой, не клади клади черезъ силу ея, не бей, когда она не хочетъ или не можетъ везти, не понукай дубьемъ и кнутомъ къ непомѣрно быстрому бѣгу, чѣмъ можешь полечи въ болѣзни, дай ослабу въ старости и немощи, не мори голодомъ во время голода, продай, если не чѣмъ кормить,—тогда ты будешь праведнымъ судіею надъ скотинкою, которую Господь тебѣ вручилъ на помощь въ твоихъ трудахъ. А такъ ли ты дѣлаешь?—О, какъ многіе изъ васъ бываютъ мучителями, а не хозяевами своей скотины! Вотъ быкъ или лошенокъ совсѣмъ еще не выросъ, не окрѣпъ въ силахъ, а его тащутъ въ ярмо, въ хомутъ, и губятъ на всю жизнь. Вотъ коровка не давно отелилась, она и свое дитя кормитъ и твоимъ дѣтямъ даетъ молоко, а ты хочешь еще, чтобы она работала тебѣ и тащишь ее въ ярмо. Вотъ волъ или конь, голодный, обезсиленный, не вытащитъ воза изъ болота, изъ песку, не вывезетъ на гору большой клади, а ты бьешь его безжалостно, чѣмъ попало, по спинѣ, по ногамъ, по ребрамъ, по головѣ.... О, ты тогда звѣрь, а не человѣкъ! Терзаешь несчастное животное, какъ разъяренный волкъ. Кто далъ тебѣ право такъ безбожно мучить

созданіе Божіе? Сами же вы говорите: по двѣ кожи съ вола не дерутъ, а тутъ именно человѣкъ хочетъ двѣ кожи содрать. И когда чаще бьетъ хозяинъ свою скотину, какъ не въ пьяномъ видѣ? Ѣдетъ пьяный, самъ не смотритъ дороги, или просто спитъ, голодная скотина свернула съ дороги и щиплетъ траву, а онъ бьетъ ее за то, въ чемъ самъ виноватъ. Или вотъ ѣдешь ты съ ярмонки, загулялся по дорогѣ гдѣ нибудь въ корчмѣ, скотина реветъ отъ жажды, тебѣ и горя мало; а пріѣхалъ домой, свалился гдѣ попало, стоитъ всю ночь голодная, не напоенная скотина. Придетъ болѣзнь и на скотину, иной хозяинъ такъ и броситъ ее на волю случая: выживетъ—хорошо, не выживетъ, значитъ, говоритъ, такъ Богу угодно. На что же ты и хозяинъ называешься, когда не хочешь дать порады своему же добру. А то вотъ засуха случится, мало корму для людей и для животныхъ, а хозяинъ послѣднее добро пропиваетъ, не думаетъ о томъ, чѣмъ-то зимой придется кормить скотину, и скотина гибнетъ безвинно отъ голоду, ѣстъ солому изъ крыши, землю грызетъ, такъ и пропадаетъ у инаго. Знаете ли, что и скотина созданіе Божіе, что и ей жизнь дана не на мученіе, и кто мучитъ ее такъ или иначе, тотъ и дастъ за нее отвѣтъ предъ Богомъ? Приходилось мнѣ между вами слышать такія слова: „и скотина душу имѣетъ, и она какъ ляжетъ, вздохнетъ до Бога.“ Бойся же чтобы вздохъ невинно терзаемой тобою скотины не дошелъ до Бога!...

Ты судія въ домѣ, въ семьѣ твоей, твою волю творятъ слуги, дѣти, жена, ты всѣмъ распоряжаешься и замѣчаешь неисправности, упущенія. Не злоупотребляй же преимуществомъ, которымъ Господь почтилъ тебя, не твори неправды въ домѣ твоемъ, въ семьѣ твоей. Есть у тебя въ услуженіи сирота, будь ему отцемъ, а не хозяиномъ, не обижай его побоями, бранью, гнѣвнымъ видомъ, не накладывай на него работы сверхъ его силы, не удерживай у него горькой заработной платы, корми, одѣвай его какъ слѣдуетъ, и онъ будетъ тебѣ служить вѣрою и правдою, будетъ беречь добро твое, какъ свое око, и по

смерть свою будетъ вспоминать о тебѣ съ благодарностію. Но ты совсѣмъ не такъ поступаешь,—у тебя *наймитъ* на такомъ же почти счету, какъ и скотина, заставляешь его работать сверхъ силы, не знаетъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью, а кормишь и одѣваешь его скудно, за каждую бездѣлицу осыпаешь бранью, а иногда жестокими побоями и если рѣже бьешь его чѣмъ скотину, то за то бранишь гораздо чаще; въ добавокъ ты отнимаешь у него его трудовую копѣйку,—за потерянный кнутъ, за зубъ отъ бороны, за *чересло*, за все, за все высчитаешь. Но знаешь ли ты, что мзда неправедно удержанная вопіетъ къ Богу объ отмщеніи? Не твори же неправды надъ слугою твоимъ, не чини надъ нимъ жестокой, безчеловѣчной расправы.

Есть у тебя дѣти, помни что ты для нихъ отецъ, а не властелинъ, есть жена, не забывай, какъ клялся ты предъ Богомъ и людьми любить ее, заботиться объ ней, какъ о своемъ собственномъ тѣлѣ. Не властелиномъ, не судіею поставилъ тебя Господь надъ ними, но только главою, и это для того, чтобы ты заботился объ нихъ, доставлялъ имъ все нужное для жизни. Говорю это, а въ умѣ уже другое. Я съ ужасомъ представляю, какъ жестоко и безчеловѣчно многіе изъ васъ обращаются съ своими дѣтьми и женами. Бранятъ за всякую мелочь, бьютъ всѣмъ, что подъ руку попадетъ, не такъ ступилъ, не туда пошелъ, не такъ сѣлъ, одно сдѣлалъ, другаго не сдѣлалъ, только и слышишь чорта да бѣса. Дѣтей, жену къ чорту посылаютъ! Иной пріѣдетъ или придетъ домой пьяный, только въ дворъ—крикъ, шумъ, проклятія.... Дѣти, жена къ нему съ ласкою, а онъ какъ закричитъ на нихъ, точно медвѣдь, грозитъ бить, совсѣмъ убить жену, дѣтей! А за что? чѣмъ они провинились предъ нимъ? Сами знаете и скажете, что по большой части—такъ себѣ ни за что, ни про что. Только и вины, что это его дѣти, его жена, а онъ отецъ, мужъ—пьянъ до безумія. У пьянаго первое дѣло въ домѣ пошумѣть, побранить и даже побить кого нибудь. Таковъ ужъ обычай почти у всѣхъ васъ. И—

Боже!—чего ужъ не бываетъ, чего не дѣлается въ иномъ домѣ по этому звѣрскому обычаю. Схватитъ бѣшеный отецъ свое родное дитя за волосы и начнетъ размахивать имъ отъ полу до потолка, или бить ногами объ лавку, объ стѣну и еще обо что нибудь. Схватитъ жену за волосы, привяжетъ ее же волосами къ столбу и давай драть кнутомъ, возжами и чѣмъ нибудь по-хуже, или же повалитъ на-земь, бьетъ руками и ногами по щекамъ, по головѣ, по груди,—всюду, всюду, чтобы ни одно мѣсто на тѣлѣ не осталось въ цѣлости. И сколько такихъ примѣровъ! Я самъ знаю не одинъ такой примѣръ между вами. И если бы только въ пьяномъ видѣ это дѣлали; но подобное очень часто случается и съ трезвыми. Чтобы кто нибудь изъ васъ кротко и съ любовію, особливо въ пьяномъ видѣ, обращался съ женою, съ дѣтьми, это, кажется, большая рѣдкость. Таковъ ужъ у васъ нечестивый, безбожный обычай! Силу, власть имѣетъ, а не знаетъ, на что дана ему эта сила и эта власть. Бѣдные дѣти! они бѣгутъ отъ отца, какъ отъ звѣря, прячутся въ хлѣвахъ, въ ямахъ, въ огородахъ. А жена? она все выноситъ, ей не такъ то легко уйти и спрятаться гдѣ нибудь, и то особенное ея счастіе, если она успѣетъ скрыться отъ звѣря-мужа. О бѣдное, и жалкое созданіе! Она мучится жесточайшими муками рожденія, проводитъ безсонныя ночи надъ дитятей, работаетъ дома безъ отдыха, идетъ въ поле съ люлькой и дитятей, изнываетъ надъ работою отъ зноя, придетъ домой, и тутъ нѣтъ отдыху до полночи и за полночь, и такъ день за день. И что же получаетъ она отъ мужа своего въ награду за этотъ тяжкій, изнурительный трудъ? Брань, проклятія, побои. И хоть бы разъ мужъ раскаялся въ причиняемыхъ женѣ и дѣтямъ огорченіяхъ и побояхъ. Встанетъ на утро, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Такъ, говоритъ, и слѣдуетъ; надо, чтобы дѣти и жена страхъ имѣли. Безумный! не на то ты поставленъ главою въ семействѣ, чтобы нагонять страхъ на дѣтей и жену. Ахъ, ради Бога, не твори неправды въ семействѣ твоемъ! Знай, что дѣти не слуги тебѣ и жена не раба те-

бѣ, но подруга и помощница твоей жизни, которую любить ты обязался предъ Богомъ.

Не судія ты надъ твоими односельцами, сосѣдями, не дано тебѣ власти надъ ними, а ты при случаѣ и надъ ними хочешь показать свою силу, и самоуправствуешь безчинно, если есть къ тому возможность. Вотъ дошло до твоего слуха, что такой-то односелецъ твой отозвался о тебѣ не хорошо, ты еще не знаешь, правда ли этому или нѣтъ, но какъ скоро встрѣтишься съ нимъ, сей часъ осыпаешь его бранью, укоризнами, грозишь ему кулаками, и если онъ тебѣ отвѣтитъ хоть слово жесткое, такъ и бросишься на него. Или вотъ скотинка сосѣда, часто по твоей же небрежности, забредетъ въ твой огородъ или гумно, ты бросаешься на нее съ дубиной и бьешь до тѣхъ поръ, пока она не ляжетъ подъ ударами дубины. Выбѣжитъ сосѣдъ, подниметъ крикъ, а ты и его бьешь и бранишь. Скажи, не сомоуправство ли это? И кто далъ тебѣ право чинить расправу, да еще съ дубиною въ рукахъ? Есть на то судьи, тобою же и всѣми выбранные, иди, объясни имъ имъ свою обиду, пусть они разберутъ твое дѣло, но не давай воли своимъ рукамъ. А когда найчаще возникаютъ между вами ссоры и драки, какъ не въ пьяномъ видѣ? Засядутъ въ корчмѣ, пойдетъ разговоръ, одинъ сказалъ другому неучтивое слово или попрекнулъ чѣмъ нибудь, въ другое время такъ и сошло бы, а тутъ нѣтъ,—водка поджигаетъ отвѣтить тѣмъ же, слово за словомъ, посыплется брань, а тамъ и драка. Видѣлъ я одну такую драку, чтобъ ее не видѣть въ другой разъ! Вцѣпятся какъ звѣри другъ въ друга, разнять ихъ не могутъ, возятся долго-долго, наконецъ кто посильнѣе или половчѣе свалитъ противника на землю и ну бить руками, ногами по головѣ, колѣнами въ грудь и животъ,—такъ на цѣлую жизнь здоровья лишитъ человѣка. По-христіански ли это, по-человѣчески ли это? Ахъ, не давай воли себѣ, особенно когда пьянъ! Обидилъ кто тебя, снеси великодушно, и ты посрамишь тѣмъ врага своего, и въ другой разъ онъ не рѣшится обижать тебя понапра-

сну, а при случаѣ также обойдется съ тобою. Помни слова Христовы: *аще кто ударитъ тя въ ланиту, обрати ему другую.* Или это не для насъ съ тобою Христосъ далъ такую заповѣдь?

Но ты жалуешься на несправедливость поставленныхъ надъ тобой судей, оправдываешь свое самоуправство тѣмъ, что они не судятъ правды, продаютъ ее за подарки и могорычи. Слышите ли судьи, что говоритъ человѣкъ? И онъ говоритъ отчасти правду,—то, на что онъ жалуется, бываетъ, хотя, можетъ быть, и не всегда. И теперь еще, какъ и въ прежнее время, корчма бываетъ мѣстомъ суда, водка—закономъ и мѣра ея мѣрою правды. У старшины, у старосты, у писаря, добросовѣстныхъ, сотскихъ, десятскихъ—у всѣхъ надо заискать милость тому, кто добивается правды за свою обиду или убытокъ. А чѣмъ не рѣдко заискивается эта милость, какъ не водкою? Кто больше поставилъ, тотъ и правъ. Напьются судьи, тогда они и милостивы, тогда они и мудры, тогда и справедливы. Безъ водки у нихъ какъ будто и толку не хватаетъ на то, чтобы разобрать чью нибудь жалобу, а напьются, разберутъ подъ часъ такъ, что только они одни и останутся въ выигрышѣ. Вотъ жалуется хозяинъ бѣдный, что теленокъ сосѣда забрался въ его огородъ и выѣлъ грядку капусты. Что жъ? одну грядку съѣлъ теленокъ, другую пропьютъ судьи, на томъ дѣлу конецъ. Придетъ рекрутчина, богатые отплачиваются деньгами, а бѣдные приплачиваются своими дѣтьми; у кого и много сыновей, да много денегъ на могорычи, тотъ свободенъ, а у бѣдной вдовы послѣдняго сына отнимаютъ. Станутъ подать собирать,—кто напоитъ сборщиковъ, тому и подождутъ, а у бѣдняка послѣднюю одежу отберутъ, печь разломаютъ. И не одни власти и судьи продаютъ правду за водку, продаютъ ее еще прежде и тѣ, которые стараются подкупить ихъ. Да кажется, что и всѣмъ вамъ, какъ ни жалуетесь вы на неправду, правда не дороже водки и при случаѣ рѣдкій не пропьетъ ее также, какъ пропиваютъ иногда судьи. Посмотрите, вотъ двое изъ васъ по-

ссорились за нелегкую обиду: идетъ у нихъ перебранка и вражда, до драки доходитъ, судьи помирить не могутъ, но за рюмкой водки все забыто. Научитесь же прежде сами соблюдать правду, дорожить ею, не продавать и не покупать ее за кварту водки, тогда съ большимъ правомъ и отъ судей вы можете требовать того же, и они будутъ справедливѣе, зная, какъ дорога для васъ правда.

Да воцарится же правда во всѣхъ васъ отъ стараго до малаго, отъ судьи до подсудимаго! Будьте справедливы съ домашнею скотинкой, съ слугами, дѣтьми, съ женами, съ сосѣдями вашими и другъ съ другомъ. Больше будетъ въ васъ правды, меньше будетъ непріятностей, ссоръ, огорченій, меньше будетъ пьянства и подкупа водкою, больше будетъ правды. А будете любить правду, Господь воздастъ каждому по правдѣ его.—Аминь.

ОБУЧЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ГРАМОТѢ ВЪ СЕЛАХЪ.

письмо 2-е къ сельскому учителю священнику.

Рѣшаюсь описать тебѣ, товарищъ, и болѣе частный методъ, какой употребляю я въ обученіи дѣтей грамотѣ; только не ожидай описанія подробнаго. Самъ ты, безъ сомнѣнія, знаешь по опыту, какъ часто приходится, тутъ же на мѣстѣ, придумывать такой или другой пріемъ объясненія ученикамъ, и скоро оставлять его, браться за другой, иногда за третій, чтобъ лучше насъ поняли. Какъ же все вспомнить и пересказать?

Начну вопросомъ: учить ли дѣтей прежде гражданской грамотѣ или прежде церковной? И нужно ли поселянамъ чтеніе церковное? Отвѣчаю 1) чтеніе церковное очень нужно. Изученіе и пониманіе славянскаго чтенія, по моему, тоже, что изученіе языка общаго намъ материнскаго, т. е. языка святой церкви, и тотъ мало уважаетъ эту духовную мать свою, кто пренебрегаетъ ея языкомъ, лучше охотится читать по французски или по нѣмецки, нежели по славянски и потому весьма мало разумѣетъ, что читается или поется при Богослуженіи.

Отвѣчаю 2) учить дѣтей надобно прежде церковному чтенію, а потомъ гражданскому, или, если это кому удобно, вмѣстѣ тому и другому. По крайней мѣрѣ, у меня эта совмѣстность, или сближенность употребительна. Начинаю азбуку славянскую и употребляю сперва названія древнія, а потомъ, проведши ученика по одной или по двумъ строкамъ (сначала прямымъ, потомъ обратнымъ порядкомъ) замѣчаю ему, что эти буквы можно называть и короче (***Азъ-а***, ***Буки-бе*** и пр.). Почему не прямо а, бе и т. д? Почему со всѣмъ не миновать страшнаго для

дѣтей полчища славянскихъ буквъ, этихъ *Азовъ* и *Букъ* съ ихъ послѣдующими? Да хоть потому, что эти названія у насъ очень древни, т. е. изъ уваженія къ ихъ древности, какъ потому же уваженію не измѣняетъ никто названія буквъ еврейскихъ, арабскихъ, сирскихъ даже греческихъ. Притомъ, держась однихъ новыхъ названій, ты въ славянской азбукѣ долженъ же будешь вспомнить названія древнія буквъ ѕ, ѿ, ѱ, θ: почему не вспомнить названій и прочихъ буквъ? Употребленіе этихъ названій, думаю, никто не бросаетъ въ различіи *буквъ пасхальныхъ или ключевыхъ*. Не скажетъ, наприм., что нынѣ 1863 г. ключевая буква ***И***, а не ***Иже***, означающая 31-е марта; ибо буква называемая ***И*** (Ї), въ пасхаліи значитъ 1-е апрѣля. Да и напрасно выставляются **Азы** и ***Буки*** страшными. Для запуганныхъ дѣтей все страшно, даже *а*, *бе*, *ве*—трудны, а тѣмъ, которыхъ заохотишь къ азбукѣ, ничего тутъ нѣтъ страшнаго. Двойное же названіе буквъ приноситъ, по моему мнѣнію, дѣтямъ еще ту пользу, что они замѣчаютъ мало по малу, что главное дѣло не въ названіи буквъ, а въ чемъ то другомъ,—послѣ скоро узнаютъ они это другое, узнаютъ, то есть, что выговоръ буквъ при чтеніи не таковъ, какъ при названіи ихъ въ алфавитѣ, и понимаютъ, почему *буки азъ* не *буказъ*, а *ба*, такъ какъ и *бе-а* не *беа*, а *ба*.

Такое изученіе буквъ двойное не потеря ли времени? нисколько. Пусть глазъ дитяти побольше знакомится съ начертаніемъ и характеристикою буквъ, чтобы легко и скоро распозвавать ихъ. (Пріучившійся различать ихъ скоро, быстрѣе будетъ послѣ и читать). На нѣкоторыхъ буквахъ нужно особенно останавливать вниманіе дѣтей, показывая, наприм., чѣмъ отличается Л отъ А, Н отъ И Г отъ Т и проч.

Но я слишкомъ кажется, занялся *азами*? не пора ли приступить къ складамъ? Здѣсь не упрекнешь меня пристрастіемъ къ названіямъ буквъ славянскихъ. Повторяемъ мы эти и новыя названія предъ каждымъ урокомъ азбуч-

нымъ; но самые склады составляемъ уже изъ однихъ новыхъ названій. Это, какъ по опыту извѣстно, несравненно легче для изученія слоговъ, нежели старинный и мудреный способъ сочетанія многихъ слоговъ для выведенія изъ нихъ одного. И дѣти скоро изучаютъ по новому способу слоги прямые, простые (ба, ва, бо, во и пр.), и обратные (аб, ав, об, ов). Но есть для многихъ трудность— выучить многобуквенные слоги: какъ тутъ быть?

Поступаю слѣдующимъ образомъ: выписываю на доскѣ всѣ буквы гласныя, и толкую: вотъ буквы, которыя какъ называются, такъ и выговариваются при чтеніи, т. е. тотъ же издаютъ голосъ при названіи и при выговорѣ (потому и *гласными* онѣ называются); выписываю согласныя, и опять изъясняю: вотъ буквы другаго рода: онѣ такъ и такъ называются, но названій не слышно при выговорѣ (ба, не читается *бе—а*),—это буквы *согласныя* (слышныя хорошо съ однѣми гласными). Когда дѣти сами укажутъ мнѣ въ азбукѣ, какая буква гласная, какая согласная и какая полугласная или безгласная, тогда говорю имъ: теперь замѣтьте, что каждая гласная составляетъ слогъ, а согласная, сама по себѣ, никакого слога не составляетъ, такъ что и многія согласныя съ одною гласною дѣлаютъ одинъ слогъ. И такъ, говорю, смотрите главнымъ образомъ на гласныя, и помните, что сколько въ словѣ гласныхъ, столько и слоговъ. Изъясняя это примѣрами, замѣчаю, что наприм. *ста* не говорится *сете-а*, потому что здѣсь одна гласная *а*, а с, т согласныя; но *столы*—слово двусложное, потому что въ немъ двѣ гласныя *о* и *ы*. (Произнося слоги, на каждомъ ударяю слегка по столу рукою). Не скоро, но все таки добиваюсь я до того, что дитя легко исправляетъ свои ошибки, когда въ одномъ слогѣ сбивается на два или на три, потому что всегда напоминаю ему смотрѣть, сколько въ словѣ гласныхъ. (*Грѣхъ*, наприм. говорю, выговариваемъ мы однимъ разомъ, а не въ два раза—*грѣ-ха*, и не въ три: *ге-рѣ-ха*).

Если какой ученикъ часто ошибается, заставляю дру-

гаго поправлять ошибки. Ошибающійся потомъ самъ поправляетъ и себя и другихъ. Иногда я самъ начинаю произносить слоги неправильно, и требую, чтобъ ученики замѣчали мнѣ, гдѣ я что произнесъ не такъ какъ должно.

Потолковавъ еще нѣсколько о значеніи нашихъ *ъ*, *ь* и *й*, перевожу дѣтей прямо къ чтенію цѣлыхъ небольшихъ періодовъ или по книгѣ, гдѣ означено раздѣленіе слоговъ черточками, или по написанному на доскѣ, гдѣ слова дѣлю тоже черточками на слоги. Когда нужно читать безъ этихъ черточекъ, то не принуждаю дѣтей раздѣлять слова правильно, или орѳографически, а позволяю произносить слоги такъ, какъ имъ кажется легче для выговора. Въ послѣдствіи уже замѣчаю, какъ принято и какъ должно раздѣлять слова наши на слоги. Не бѣда, наприм., если ученикъ произнесетъ такъ *свойс-тво*. Послѣ объяснится ему, что правильнѣе читать: *свой-ство*.

Что первоначально читать дѣтямъ? Разумѣется то, что проще и понятнѣе, въ чемъ менѣе словъ, требующихъ объясненія. Но замѣчено и то, что если заставлять дѣтей читать слишкомъ извѣстное имъ, наприм. молитву *Отче нашъ*, то эта извѣстность служить можетъ препятствіемъ самостоятельному чтенію. Случалось, что ученикъ выговариваетъ слова правильно, а на самомъ дѣлѣ повторяетъ ихъ изъ одной памяти, и показывая на *имя* говоритъ *твое* или обратно. Одинъ, пришедшій въ школу, по видимому, съ знаніемъ чтенія по складамъ, нѣсколько уроковъ обманывалъ меня своимъ твердымъ чтеніемъ по книгѣ. Но оказалось, что все это онъ читаетъ на память или знакомое, или что услышитъ и тотчасъ повторитъ (какъ очень памятливый) читаемое другими. Нужно было снова учить его чтенію по складамъ и различать слоги. И такъ лучше читать неизвѣстное ученику, но сколько можно простое, а когда прочитаетъ до точки, спрашивать его, что онъ прочиталъ и понялъ? что значитъ такое или другое слово?

Трудно дѣтямъ выговорить слова многосложныя, особенно тѣ, которыя мало имъ извѣстны. Рѣдкіе выговари-

ваютъ ихъ однимъ духомъ, а большая часть только въ два или три пріема. По этому нужно чаще упражнять юныхъ читателей въ выговорѣ твердомъ такихъ словъ, какъ: *благополучіе, сотвореніе, человѣчество, строптивость, отечество* и т. д. Безъ этого читающій по слогамъ долго будетъ слова тянуть и слабо разумѣть.

Обращаюсь еще къ совмѣстности чтенія славянскаго и русскаго. Читаемъ попеременно славянскую и русскую азбуку, иногда однѣ и тѣже статьи (наприм. молитвы), иногда разныя. Эта перемѣна можетъ быть и на одномъ урокѣ, и чрезъ день. Останавливаемся больше на первомъ чтеніи, т. е. славянскомъ, между прочимъ и для того, чтобъ изучать славянскія титлованныя слова. Не томлю дѣтей надъ цѣлою таблицею такихъ словъ; не учатъ они механически, какъ бывало въ старину: *Азъ—ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій; Буки—Богъ, Божество* и проч. и проч; а толкую имъ при самомъ чтеніи, гдѣ встрѣчаются такія слова, что значитъ то или другое *титло* (какія буквы подразумѣвать должно подъ каждымъ титломъ).

Если нужно какую молитву заучить на память, то прежде стараюсь объяснить въ ней слова, перевесть ее на выраженія русскія, и послѣ требую отчета не въ словахъ только, а и въ смыслѣ славянскихъ выраженій.

Что далѣе, по моему мнѣнію, читать полезно дѣтямъ по-славянски и по-русски, перескажу когда нибудь, послѣ.

Одно замѣчаніе ставлю въ заключеніе письма моего. „Не много читать должно, а твердо и съ понятіемъ.“ Обремененіе памяти не меньше вредитъ какъ и обремененіе желудка. Еслибъ дѣти и охотились читать какъ можно больше, то надобно сдерживать эту охоту и требовать отъ нихъ больше разумѣнія, нежели памяти, и совсѣмъ отклонять ихъ отъ механическало чтенія. Хуже всего, если научатся они чтенію легкомысленному.

Выгонять или не выгонять ученика изъ училища?

Ничего нѣтъ легче, какъ исключить такъ называемаго неисправимаго ученика изъ училища. Но не угодно ли спросить родителей, каково имъ, когда вдругъ явится къ нимъ сынъ изгнанникомъ? Да, исключенiе для ученика—это изгнанiе; это тò же, чтò въ государствѣ гражданская и политическая смерть. Но развѣ государство такъ легко осуждаетъ на смерть, какъ ученики осуждаются на изгнанiе изъ училища?

Иной самодержавный правитель училища исключаетъ ученика только потому, что онъ ему не нравится, что онъ надоѣлъ ему, что хочется отъ него отдѣлаться, не хочется или не умѣется заняться его исправленiемъ. Другой выгоняетъ ученика изъ *своего* (?) заведенiя, въ порывѣ юпитерскаго гнѣва, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, мелочей, иногда даже изъ личностей, какъ будто могутъ быть какiя-нибудь личности между воспитателемъ и воспитанникомъ, между взрослымъ и дитятею. Есть, наконецъ, и такiе примѣры, что изгнанiемъ ученика вымещается ссора наставника юношества съ его родителями, или что ученикъ удаляется изъ училища за тò, что онъ компрометируетъ его правителя, подвергаетъ его опасности получить отставку съ прошенiемъ или и безъ прошенiя.

Но оставивъ въ сторонѣ подобныя явныя, вопiющiя несправедливости, много еще найдется и другихъ причинъ исключенiя, столько же неосновательныхъ, хотя и имѣющихъ видъ нѣкоторой справедливости.

Вообще исключенiе есть тò послѣднее, крайнее наказанiе, которымъ училище какъ бы объявляетъ торжественно, что одинъ изъ его сочленовъ недостоинъ принадлежать къ этому училищу,—которымъ училище разрываетъ связь, соединяющую ученика съ цѣлымъ заведенiемъ, предоставляя его собственной судьбѣ.

За исключенiемъ вышеприведенныхъ особенныхъ случаевъ, это наказанiе обыкновенно примѣняютъ: или за одинъ какой-либо тяжкiй проступокъ, или какъ заключенiе цѣлаго ряда другихъ наказанiй, оказавшихся недѣйствительными,—за часто повторяемые легкiе проступки.

Разсмотримъ ближе обѣ эти обыкновенныя причины исключенiя.

Что касается до первой, то есть, безъ сомнѣнiя, случаи, когда исключенiе является естественнымъ слѣдствiемъ проступка, именно когда самъ ученикъ своимъ тяжкимъ проступкомъ разрываетъ связь, соединяющую его съ заведенiемъ. Есть, правда, и такiе тяжкiе проступки, пороки, вообще нравственные недостатки, исправленiемъ которыхъ обязано заняться само училище; но есть и такiе, исправленiе которыхъ не можетъ быть на него возложено, потому что ими какъ бы отрицается самое понятiе, сущность училища. Ученикъ, совершившiй проступокъ послѣдняго рода, самъ себя, такъ сказать, исключаетъ изъ училища. Конечно, и въ такомъ случаѣ есть еще возможность для училища посмотрѣть на ученика съ другой стороны—что онъ еще молодъ, что впослѣдствiи еще можетъ исправиться, что изъ него можетъ еще выдти совсѣмъ другой, новый человѣкъ, что одинъ проступокъ, какъ бы онъ ни былъ тяжекъ, не свидѣтельствуетъ о совершенной его неисправимости, не грозитъ цѣлымъ рядомъ подобныхъ проступковъ; что, наконецъ, и самые значительные пороки, нравственные недостатки, не даютъ еще права заключать о совершенной невозможности исправленiя, когда будутъ приняты серьёзныя, дѣйствительныя, благоразумныя, особенныя мѣры, когда будетъ приложено все возможное старанiе и искуство со стороны начальника заведенiя; что съ лѣтами, съ возрастомъ, ученикъ и самъ одумается, образумится, и что если бы онъ своими поступками даже явно обнаружилъ отреченiе свое отъ заведенiя, не выступая однако же изъ него добровольно или не оставляя его по несогласiю на то своихъ родителей, то и это не можетъ быть вмѣнено ему, какъ вмѣ-

нилось бы человѣку взрослому, съ развитымъ вполнѣ разсудкомъ. Разсуждая такъ, училище и въ этихъ случаяхъ могло бы терпѣть у себя ученика, забыть его прошедшее и даже настоящее, и надѣяться на лучшее будущее, и, на этомъ основанiи, произнесть надъ нимъ приговоръ не осужденія на изгнаніе, но помилованія, на которое такъ легко рѣшиться сердцу добраго воспитателя, особенно когда проступокъ ученика, не смотря на всю его важность, является совершенно изолированнымъ отъ его обыкновеннаго поведенія, совершенно единичнымъ, безъ связи съ прошедшимъ, а потому, какъ предполагать слѣдуетъ, и безъ связи съ будущимъ.

Но съ другой стороны безчисленные опыты подтверждаютъ, что перерожденiе ученика въ новаго человѣка совершается успѣшнѣе на новой почвѣ, съ переходомъ его въ другое учебное заведенiе, гдѣ не было для него прошедшаго и гдѣ потому прошедшее не тяготитъ, не сковываетъ его. Но какъ бы ни было это справедливымъ, отсюда слѣдуетъ вывесть не то заключенiе, какое иногда выводятъ: отсюда не истекаетъ права для того училища, гдѣ совершенъ ученикомъ тяжкій проступокъ, вытолкнуть его изъ своей среды съ огласкою, съ позоромъ, а развѣ слѣдуетъ только потребовать въ тихомолку, чтобъ онъ самъ вышелъ изъ заведенія, или чтобы родители взяли его, и притомъ съ совѣтомъ отдать его въ другое училище, гдѣ проступокъ его не извѣстенъ, негласенъ и слѣдовательно не вреденъ для заведенія, и гдѣ начнется для него новая жизнь, и слѣдовательно большая возможность исправленія, перорожденiя.

Если училище вздумало бы поступить иначе, рѣшившись формально исключить ученика изъ заведенія, какъ это иногда дѣлается, то это значило бы, что оно или сознательно мститъ ученику, а не наказываетъ его, или же, какъ бываетъ въ большей части случаевъ, безсознательно ведетъ его, хотя и не прямо, къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія имѣетъ для студентовъ нѣмецкихъ университетовъ наказаніе, извѣстное подъ названіемъ релегацiи (relegatio)

въ отличіе отъ наказанія называемаго consilium abeundi (въ буквальномъ переводѣ—совѣта выдти, т. е. изъ университета). Студентъ релегованный изгоняется изъ университета съ тѣмъ, что онъ не можетъ быть принятъ ни въ этотъ самый университетъ обратно, ни въ другіе университеты, съ которыми данный университетъ состоитъ въ такъ называемой картели, т. е. въ соглашеніи не принимать къ себѣ релегованныхъ студентовъ; а студентъ, надъ которымъ произнесено только consilium abeundi, можетъ, по прошествіи опредѣленнаго приговоромъ срока, опять вступить въ тотъ же университетъ, тѣмъ болѣе—въ другіе университеты. И такъ, повторяемъ, для ученика, формально исключеннаго изъ училища, такое исключеніе имѣетъ обыкновенно тѣ же послѣдствія, какія релегація для студента, даже въ нѣкоторомъ отношеніи гораздо худшія. Другое заведеніе не приметъ его, не потому, что оно обязано, какъ состоящіе между собою въ картели университеты, не принимать исключеннаго (вѣдь многіе университеты не состоятъ между собою въ такомъ соглашеніи); но потому, что побоится принять, имѣя въ виду или предстоящій вредъ для своего заведенія, или же собственную личную отвѣтственность, даже просто неохоту нарушать свое спокойствіе, добровольно наложить на себя новую тяжкую обузу, требующую многихъ хлопотъ и пожертвованій своимъ драгоцѣннымъ эгоизмомъ. Куда же прикажете дѣваться тогда бѣдному, маленькому изгнаннику? Гдѣ ему образовать себя, развить свои отличныя можетъ-быть способности, и, во всякомъ случаѣ, исполнить священный долгъ человѣка, предписывающій намъ развивать всѣ свои силы на пользу себѣ, ближнимъ, обществу, отечеству, человѣчеству? Изгоняя его, вы не разсудили, что совершаете разомъ нѣсколько несравненно бо̀льшихъ преступленій, чѣмъ совершило это бѣдное дитя: человѣкоубійство, сводя во гробъ несчастныхъ, невинныхъ родителей любимаго дѣтища: душегубство, убивая душу вашего нѣкогда питомца; измѣну противъ общества, отечества, лишая ихъ гражданина, который, если бы вы сами поста-

рались исправить его, или если бы не мѣшали ему самому исправиться въ другомъ училищѣ, принесъ бы имъ пользу, и можетъ-быть такую значительную, о которой вы и не мечтаете; мало того,—вы грѣшите противъ своей совѣсти, сознанія, дѣйствуя легкомысленно, необдуманно, не взвѣсивъ всѣхъ страшныхъ послѣдствій вашего хладнокровнаго рѣшенія; грѣшите наконецъ противъ своего священнаго званія воспитателя юношества, этого залога будущаго преуспѣянія человѣчества.

Что̀ же сказать о тѣхъ постановленіяхъ или, по крайней мѣрѣ, обычаяхъ, которые и въ училища прямо вводятъ такую же релегацію, какая допускается въ иныхъ университетахъ,—изгнаніе ученика изъ одного училища, съ тѣмъ чтобы нигдѣ и никогда не принимали его въ другихъ училищахъ? Если релегація и не можетъ быть защищаема, какъ цѣлесообразное наказаніе студентовъ университета, то по крайней мѣрѣ тамъ есть какая-нибудь тѣнь справедливости, въ томъ не совсѣмъ конечно основательномъ предположеніи, что университетъ имѣетъ дѣло съ развитыми вполнѣ юношами, со взрослыми, которымъ можетъ быть вмѣнено всякое преступленіе наравнѣ съ прочими взрослыми людьми. А здѣсь, въ училищѣ, кого вы наказываете, какъ отлученнаго отъ общества преступника, лишая его духовной пищи и свѣта?—Ребенка, еще безразсуднаго, безпомощнаго, не самостоятельнаго, не закоренѣлаго въ преступленіяхъ. Надъ кѣмъ вы равнодушно произносите свой страшный пр̀говоръ?—Конечно, геній пробьется помимо васъ, наперекоръ вашимъ зловѣщимъ осужденіямъ и педантскимъ глупостямъ, выйдетъ изъ перегара какъ золото, чище, свѣтлѣе, чѣмъ если бы онъ задремалъ подъ вашей общей мѣркой; но сколько негеніевъ, а все-таки людей полезныхъ, наконецъ просто *людей* вы подавите въ корнѣ своимъ нечеловѣческимъ холодомъ?

Отпустите, если уже вамъ такъ хочется, ученика вашего тихо, съ миромъ, скрѣпя сердце, съ тѣмъ соболѣзнованіемъ, которое западетъ въ его душу, какъ первое

сѣмя возобновляемой жизни; но не заслоняйте ему пути къ этой жизни гласнымъ позоромъ изгнанія, а тѣмъ менѣе—тою релегаціею, которая ни въ какомъ случаѣ непримѣнима къ училищамъ, гдѣ учатся не взрослые, а дѣти!

Но прежде нежели вы рѣшитесь отпустить отъ себя ученика безъ малѣйшей огласки, задайте себѣ вопросъ, какого общаго начала вы намѣрены держаться въ примѣненіи такого крайняго наказанія! Отвѣчайте на него со всевозможною основательностію и потомъ обсудите, во всѣхъ отношеніяхъ случай, представившійся вамъ къ примѣненію этого начала.

Общее начало, о которомъ мы говоримъ здѣсь, не есть еще уложеніе о наказаніяхъ, которое иногда писалось для училищъ, и противъ котораго и у насъ возстали почти всѣ единогласно, и возстали совершенно справедливо. Уложеніе о наказаніяхъ не мыслимо для учениковъ, вообще для дѣтей, потому что оно или окажется неудовлетворяющимъ ни общимъ требованіямъ справедливости, ни цѣлямъ обученія и воспитанія, цѣлямъ педагогическимъ,—или же явится на дѣлѣ несбыточнымъ, неприложимымъ. Особенно въ училищѣ имѣетъ полную силу общее юридическое правило: «Duo, quum faciunt idem, non est idem» (если двое сдѣлаютъ одно и тò же, то это не будетъ собственно одно и тò же): каждый особый случай долженъ быть и разсматриваемъ особо.

Мы удовольствуемся, если согласятся съ нами въ слѣдующемъ общемъ началѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду одинъ тяжкій проступокъ ученика, необходимо, прежде осужденія его на исключеніе, взвѣсить по крайней мѣрѣ: такого ли рода этотъ проступокъ, что ученикъ тѣмъ самымъ какъ бы самъ себя исключаетъ изъ училища, именно того только училища, къ которому онъ до сихъ поръ принадлежалъ?

Но чтобы не упрекали насъ, будто мы отдѣлываемся общими фразами, не примѣняя общаго начала къ частнымъ случаямъ, прибавимъ: по нашему крайнему разумѣнію, на изложенныхъ общихъ основаніяхъ, исключеніе за

одинъ тяжкій проступокъ можетъ быть допущено развѣ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Когда проступокъ ученика состоитъ въ такомъ преступленіи, за которое судить и наказывать предоставляется законами не училищному начальству, а общимъ правительственнымъ властямъ, напр. смертоубійство, такъ что училище вынуждено бываетъ объявить сперва полиціи о совершенномъ ученикомъ преступленіи и потомъ передать его въ руки правосудія, слѣдовательно исключить изъ числа своихъ учениковъ; 2) преступленія противъ цѣломудрія, вообще развратъ, иногда могутъ весьма опасно подѣйствовать своимъ заразительнымъ примѣромъ на прочихъ товарищей виновнаго, если эта безнравственность будетъ общеизвѣстна и приметъ характеръ соблазна и развращенія товарищей, чего не можетъ допустить никакое училище, и 3) если ученикъ открыто и постоянно будетъ отказываться отъ *всякаго* повиновенія своему училищному начальству, окажетъ упорное, прямое сопротивленіе *всѣмъ* его мѣрамъ и распоряженіямъ, а слѣд. тѣмъ самымъ какъ бы выскажется, что онъ уже больше не ученикъ *этого* училища, и потому не признаетъ никакихъ его требованій и постановленій.

Что касается до тѣхъ причинъ исключенія, которыми признается оно какъ послѣднее заключеніе цѣлаго ряда другихъ, оказавшихся недѣйствительными наказаній за часто повторяемые, менѣе тяжкіе проступки, то мы не затрудняемся откровенно выразить такое мнѣніе: исключеніе въ этихъ случаяхъ можетъ быть допущено развѣ тогда, когда послѣдніе, по времени, проступки ученика такого рода, что если бы ихъ взять даже по одиночкѣ или же отдѣльно отъ прежнихъ проступковъ, то и тогда могъ бы возникнуть вопросъ: можно ли допустить дальнѣйшее пребываніе ученика въ этомъ училищѣ? и вопросъ этотъ должно было бы рѣшить отрицательно. Убѣжденіе наше основываемъ мы на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Училище, даже какъ открытое заведеніе, принимая къ себѣ ученика, принимаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и обязан-

ность учить его всему доброму и полезному и, посредствомъ ученія, воспитывать его. Ученіе же и воспитаніе не могутъ быть окончены въ короткое время. Мѣры исправленія, остававшіяся долго не дѣйствительными, могутъ наконецъ и подѣйствовать. Опытъ показываетъ, что изъ многихъ, такъ называемыхъ неисправимыхъ, негодяевъ вышли потомъ превосходные юноши. Кто говоритъ въ этихъ случаяхъ: «Мы ничего уже не можемъ сдѣлать съ ученикомъ: пусть попробуетъ другое училище, не удастся ли ему исправить его»—тотъ обнаруживаетъ свое малодушіе, нетерпѣніе или даже лѣнь и неумѣніе приняться за дѣло. Конечно, если училищное начальство замѣтитъ, что постороннія училищу вліянія, напр. со стороны родителей ученика, дѣлаютъ напрасными всѣ его старанія къ исправленію, если училищное начальство не можетъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, устранить эти вредныя вліянія, и если потому убѣдится, что только перемѣна мѣста для ученика достигнетъ этой цѣли, то оно обязано посовѣтовать родителямъ перевести его въ другое учебное заведеніе, и даже въ случаѣ ихъ несогласія, при первомъ проступкѣ сына, обличающемъ продолженіе неисправимости, исключить его изъ училища, но все-таки тихо, безъ позорныхъ обрядовъ.

Далѣе, училище должно, конечно, печься о благѣ *всего* училища, всѣхъ учениковъ. Но вѣдь цѣлое составляется изъ частей, училище—изъ отдѣльныхъ учениковъ. Идеалъ же ученика не осуществляется ни въ одномъ изъ нихъ въ отдѣльности: изъ каждаго ученика приходится училищу искоренять что-либо такое, что̀ противно этому идеалу, только изъ одного меньше, а изъ другого больше. Исключить изъ училища развѣ можно только того, къ кому этотъ идеалъ нисколько неприложимъ. Постоянное не вниманіе, постоянная лѣнь, постоянная ложь—все это важные нравственные недостатки, но все же такіе недостатки, съ которыми слѣдуетъ училищу бороться, которые обязано оно искоренять, а не такіе, которые уничтожаютъ основныя условія его устройства. Притомъ, здѣсь должно рѣшать качество, а не количество проступковъ ученика.

Наконецъ, часто повторяютъ, въ оправданіе исключенія, что ученикъ имѣетъ вредное вліяніе на своихъ товарищей. Но въ весьма многихъ случаяхъ упрекъ этотъ можетъ быть сдѣланъ столько же дурному ученику, сколько и его товарищамъ, которые такъ дурны, что на нихъ дурной ученикъ легко можетъ имѣть вредное вліяніе,—даже на самое училище, на его начальство. Въ томъ-то и дѣло, что училище должно придти къ тому, чтобы въ немъ хорошіе ученики имѣли больше вліянія на товарищей, чѣмъ дурные, и чтобы число первыхъ перевѣшивало число послѣднихъ. Кромѣ того, весьма трудно рѣшить, на сколько одинъ ученикъ имѣетъ вліяніе на другого. Еще бываетъ и то, что вредное вліяніе на товарищей оказываетъ и тотъ ученикъ, къ которому, впрочемъ, постановленія училища никакъ не могутъ придраться: во всемъ окажется онъ правымъ, а въ сущности всему виноватъ.

Этимъ мы нисколько не хотѣли сказать, чтобы училищное начальство, хотя и нерѣшающееся на формальное, принудительное исключеніе, не употребляло средствъ привесть въ дѣйств е свое убѣжденіе, что ученику полезно было бы перемѣститься въ другую атмосферу, и тѣмъ устранить свое опасеніе, что дальнѣйшее вліяніе его на товарищей окажется весьма вреднымъ для нихъ.

Совѣтъ родителямъ взять своего сына изъ училища, повторяемый часто, настойчиво, не останется, въ большей части случаевъ, безъ дѣйствія. Подавать такой совѣтъ училищное начальство не только въ правѣ, но и обязано; однако же при этомъ оно никакъ не должно забывать, что училище существуетъ для учениковъ, а не ученики для училища, что училище есть общеполезное заведеніе, которое не можетъ отказываться и отъ трудныхъ задачъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно не можетъ по совѣсти объявить родителямъ, что, отдавая дитя свое въ училище, они дали ему такую задачу, которую рѣшить оно и не обязано, и не можетъ.

Въ случаѣ исключенія ученика, предложимъ въ заключеніе совѣтъ училищу соблюдать, по крайней мѣрѣ,

слѣдующую постепенность, согласную съ вышеприведенными соображенiями: училищное начальство сперва должно дать въ тихомолку родителямъ неоффицiальный совѣтъ взять своего сына изъ училища. Затѣмъ оно можетъ уже дать совѣтъ оффицiальный, хотя также безъ огласки, съ объясненiемъ, что училище перестало уже надѣяться на исправленiе ученика. Въ томъ и другомъ случаѣ предоставляется, впрочемъ, еще на произволъ родителей, хотятъ ли они послѣдовать данному совѣту или же нѣтъ; но въ послѣднемъ случаѣ, слѣдуетъ объявить имъ, что за послѣдствiя уже они сами отвѣчаютъ предъ своею совѣстью, если не предъ училищемъ. Далѣе училище даетъ все еще такой же совѣтъ родителямъ, оффицiальный и безъ огласки но съ присоединенiемъ, что если родители не послушаютъ этого совѣта, то ученикъ все-таки будетъ исключенъ, и притомъ формально, — т. е. безъ подачи прошенiя, не болѣе. Потомъ, можно употребить послѣднюю угрозу, что ученика исключатъ формально, въ вышесказанномъ смыслѣ, если онъ не исправится, особенно послѣ того, когда его уже столько разъ миловали. Наконецъ, училище рѣшается на формальное, но опять въ томъ же смыслѣ, исключенiе ученика.

И такъ, на поставленный нами въ заглавiи этой замѣтки вопросъ мы вообще отвѣчаемъ отрицательно, допуская исключенiе только въ крайнихъ случаяхъ, да и то смягчая его, сколько возможно, какъ постепенностiю, такъ и самымъ образомъ приведенiя его въ исполненiе. Пусть же броситъ камень въ грѣшника тотъ, кто самъ безгрѣшенъ!

(Учитель).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Состояніе православной церкви въ Россіи въ 1860 г.

Православныхъ епархій въ Россіи въ 1860 году было 57, въ томъ числѣ 4 перваго класса, 20 втораго, 28 третьяго и 5 неположенныхъ въ классъ, составляющихъ грузинскій экзархатъ. Епархіями управляли 4 митрополита, 20 архіепископовъ, 31 епископъ. Викаріями было 14 епископовъ. Въ Іерусалимѣ, въ качествѣ настоятеля духовной миссіи, находился епископъ мелитопольскій Кириллъ. Уволенныхъ на покой состояло 9 архіепископовъ и 7 епископовъ. Всего особъ архіерейскаго сана было 86. Во всѣхъ православныхъ епархіяхъ было—соборовъ каѳедральныхъ 55, имѣющихъ приходскіе дворы 493, безприходныхъ 48, вообще 596; церквей монастырскихъ 785, приходскихъ 30.503, ружныхъ 460, при казенныхъ заведеніяхъ 370, домовыхъ 416, кладбищенскихъ 1.409, упраздненныхъ или приписныхъ 2.847, вообще 36.790; часовень и молитвенныхъ домовъ 12.392. Построено 355 церквей и 127 часовень и молитвенныхъ домовъ. При церквахъ состояло 27 больницъ и 575 богадѣленъ. Служащихъ протоіереевъ состояло 569, священниковъ 37.130, діаконовъ 12.173, причетниковъ 64.165. Заштатныхъ состояло: протоіереевъ 242, священниковъ 3.242, діаконовъ 1.815, причетниковъ 6.880. Получившихъ богословское образованіе было священниковъ и діаконовъ 33.095, причетниковъ 258. Всего бѣлаго духовенства было 126.216. Изъ духовнаго званія въ свѣтское выбыло 5 священниковъ, 7 діаконовъ и 328 причетниковъ. Православныхъ въ Россіи, не считая чиновъ армейскаго и флотскаго вѣдомствъ, въ 1859 г. состояло 51.474.209, родившихся было 2.855.320, умершихъ 1.984.307, сочетавшихся бракомъ 1.136.659.

Распространеніе православной церкви въ Россіи и дѣйствія Осетинской Миссіи въ 1860 г.

Въ 1860 г. присоединилось къ православной церкви: раскольниковъ безусловно 2.749, на правилахъ единовѣрія 2.121, римско-католиковъ 923, армянъ 48, лютеранъ 452 и 9 реформатовъ. Крещено: евреевъ 433, магометанъ 1.833 и язычниковъ 2.658. Общее число принявшихъ православіе въ 1860 году 11.226.

Въ 1860 году дѣйствія Осетинской Коммисіи обращены были преимущественно на жителей Сванетіи, Самурзакани и южной Осетіи, гдѣ мусульманская пропаганда менѣе препятствовала успѣхамъ христіанства. Въ Сванетіи просвѣщено Св. Крещеніемъ 516 душъ, а въ Самурзакани 110 душъ. Въ Сванетскомъ селеніи Бечо учрежденъ причтъ съ назначеніемъ ему содержанія. Въ южной Осетіи обращено въ христіанство 857 душъ. Въ сѣверной просвѣщено 164, въ Джаро-Белоканскомъ округѣ 144 души и кромѣ того возсоединено изъ совратившихся въ магометанство 482 и изъ Армянскаго исповѣданія 18 душъ. При обозрѣніи Абхазіи Экзархъ Грузіи замѣтилъ, что расположеніе къ христіанству, не смотря на противудѣйствіе магометанъ, до сихъ поръ еще сохраняется. Въ 1860 году окрещено тамъ 327 душъ. Всего же на Кавказѣ и Закавказскомъ краѣ православная Церковь пріобрѣла 2811 душъ.

Особенное вниманіе Осетинской Коммисіи было обращено на духовное воспитаніе горскаго юношества. Въ 1860 году въ вѣдомствѣ Коммисіи состояло одно уѣздно-приходское училище и 13 приходскихъ школъ, въ которыхъ обучалось 311 учениковъ; кромѣ того на счетъ суммъ Коммиссіи воспитывались 23 ученика изъ дѣтей горцевъ въ Тифлисской и Московской Семинаріи и въ Тифлисскомъ духовномъ училищѣ.

На собственныя средства Коммисіи окончены постройкою церкви въ четырехъ приходахъ, двѣ церкви исправлены, устроены два иконостаса и снабжены горскія

церкви утварью, Богослужебными книгами и священническими облаченіями. (Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора за 1860 г.).

— *Церковь на Гунибѣ*. Слава Богу, наконецъ на Гунибѣ, гдѣ нѣкогда укрывался послѣдній предводитель горскихъ народовъ отъ всесокрушающаго оружія православнаго русскаго воинства, —гдѣ въ 1859 году лилась кровь собратій нашихъ, нынѣ благовѣстникомъ славныхъ побѣдъ Кавказа стоитъ храмъ. Съ приходомъ весною на Гунибъ кавказскаго линейнаго № 18-го баталіона, баталіонъ этотъ дѣятельно занялся устройствомъ своей штабъ-квартиры, т.-е. постройкою помѣщеній для семейныхъ, казармъ, церкви, цейхгаузовъ, мастерскихъ, обработкою огородовъ, разработкою съ горцами дороги въ лѣсъ, заготовленіемъ дровъ, сѣна и проч. Но, какъ водится на святой Руси, люди баталіона и командиръ его, подполковникъ Мищенко, съ особенною ревностію и благочестивымъ усердіемъ занялись постройкою церкви. Работа кипѣла ежедневно. Нѣкоторые солдаты жертвовали кирпичи. Многія женщины „по оброку“, по ночамъ подносили камень къ церкви, что напоминало увлеченіе людей при построеніи знаменитыхъ храмовъ среднихъ вѣковъ. Насъ особенно приводило въ восхищеніе братское содѣйствіе поляковъ, которые, будучи католики, нисколько не выдѣляли себя изъ общаго дѣла. При такихъ обстоятельствахъ церковь неожиданно скоро приведена была къ окончанію. Церковь, вмѣстимостью на 400 чел., строилась по плану и подъ наблюденіемъ офицера г. Сизюмова, крыта желѣзомъ, съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ орѣховаго дерева, работы рядоваго Кушмирскаго —поляка по происхожденію. Образа—писанія извѣстнаго художника Бабаева.

Въ день освященія церкви, послѣ парада баталіона, люди его введены были въ церковь, куда собрались также представители почти отъ всѣхъ войскъ Дагестана, по случаю постройки крѣпости находившіеся на Гунибѣ. Также и нѣкоторые изъ горцевъ пожелали быть въ церкви и между-прочимъ народные судьи гунибскаго округа.

И такъ, мы имѣемъ храмъ Божій на Гунибѣ.

Офицеръ, солдатъ войскъ Дагестана, въ виду скалъ его, облитыхъ потомъ и кровію русскихъ, помолится Богу силъ, вѣнчавшему ихъ оружіе честною славою. Здѣсь русская женщина принесетъ свою молитву за вѣчный покой душъ отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей своихъ, посѣявшихъ кости свои по Дагестану.

— *Духовное училище для дѣвицъ всѣхъ сословій.* При нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи всѣхъ сословій народа къ просвѣщенію и образованію, въ г. Нѣжинѣ черниговской губерніи ощутителенъ великій недостатокъ средствъ для образованія женскаго пола. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, нѣжинскій введенскій дѣвичій монастырь, по благословенію своего архипастыря преосвященнѣйшаго Филарета архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго, намѣренъ въ семъ 1863 году учредить училище для дѣвицъ всѣхъ состояній, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1. Училище будетъ состоять изъ трехъ классовъ. Курсъ ученія въ каждомъ классѣ два года. 2. Преподаваемы будутъ предметы: *законъ Божій,* т. е. начатки православнаго ученія, пространный катихизисъ и священная исторія. Ученицы будутъ какъ можно чаще присутствовать при богослуженіи, и изъ нихъ же будетъ современемъ составленъ хоръ. *Русская грамматика, ариѳметика* до дробей включительно и счетоводство на счетахъ, столь необходимое въ хозяйствѣ. *Русская исторія и географія. Женскія рукодѣлія,* и практическій присмотръ за домашнимъ хозяйствомъ въ саду, на огородѣ, на кухнѣ и въ кладовыхъ. 3. Воспитанницы раздѣляются *на вольноприходящихъ* и на *живущихъ въ самомъ училищѣ.* За обученіе каждой вольноприходящей полагается плата 30 руб. сер. въ годъ. Ученицы, живущія въ училищѣ, пользуются отъ него, кромѣ квартиры и обученія, еще столомъ, т. е. завтракомъ, обѣдомъ, полдникомъ и ужиномъ, и за это каждая изъ нихъ платитъ 75 р. с. въ годъ. Тѣ и другія платье и учебныя пособія имѣютъ собственныя. Круглыхъ и безпомощныхъ сиротъ монастырь беретъ на полное свое содержаніе безплатно, и уже имѣетъ такихъ 15 воспитанницъ. 4. Уче-

ницы въ это училище принимаются не моложе 8 и не старѣе 14 лѣтъ. Исключенія изъ этаго правила допускаются по особымъ уваженіямъ. 5. Для помѣщенія этого училища, монастырь уже отстроилъ изъ доброхотныхъ подаяній, каменный двуэтажный домъ при монастырѣ; но училищной мебели и прочихъ принадлежностей еще не имѣетъ а надѣется, что благотворительныя особы своими приношеніями восполнятъ и этотъ недостатокъ.

— *Полезныя учрежденія Якутскаго духовенства*. Якутское духовенство, руководимое своимъ архипастыремъ, ознаменовало 1862 годъ тремя полезными учрежденіями: устройствомъ духовной библіотеки, основаніемъ капиталовъ для пособій духовнымъ сиротамъ и заштатнымъ священнослужителямъ и мѣрами о вознагражденіи лицъ, занимающихся народнымъ обученіемъ.

Библіотеку якутское духовенство положило устроить выпискою, съобща всѣми городскими церквами, духовныхъ журналовъ и книгъ; помѣщеніе же для библіотеки и библіотекаря при ней оно нашло въ тамошнемъ духовномъ училищѣ. И городское духовенство и училище будутъ пользоваться библіотекою безмездно, а сельское духовенство и міряне—съ платою по 2 р. сер. въ годъ. «Конечно, замѣчаетъ о. Виноградовъ, — было бы лучше всѣмъ лицамъ безъ исключенія дозволить пользоваться книгами изъ библіотеки безмездно; но этаго, на первый разъ, недопускаютъ ея средства, которыя, и при взносѣ частныхъ лицъ, могутъ простираться не свыше 100 руб. Такъ какъ въ Якутскѣ нѣтъ книжныхъ магазиновъ, а между тѣмъ въ народѣ чувствуется большая потребность къ пріобрѣтенію духовныхъ книгъ; то предположено также выписать нѣсколько духовныхъ книгъ для продажи на первый разъ, самыхъ необходимыхъ, каковы: Евангеліе, молитвенники и пр. и вообще такихъ, которыя могутъ быть въ ежедневномъ употребленіи каждаго». Преосвященный Иннокентій утвердилъ такія предположенія якутскаго духовенства и нашелъ возможнымъ выдать до 250 р. на первоначальное обзаведеніе библіотеки.

«Ко времени прибытія преосвященнаго изъ Камчатки, весной нынѣшняго (1862) года, пришло въ Якутскъ Высочайшее утвержденіе ружныхъ окладовъ по якутской области. Слыша объ общемъ желаніи духовенства обезпечить участь сиротъ, онъ предложилъ ему пожертвовать на это дѣло ружными окладами за нынѣшній годъ, и ту сумму, которая отсюда получится, отправить въ банкъ на вѣчныя времена, чтобы изъ процентовъ оной выдавать пособіе духовнымъ сиротамъ, и получилъ согласіе. Ружные оклады по якутской области простираются до 21,891 р. 74 к.».

«Изъ этой суммы 3,160 р. 46 к. предположено отчислить на вознагражденіе лицъ, занимающихся обученіемъ дѣтей по улусамъ. Вознагражденіе это предположено производить не въ видѣ опредѣленнаго жалованья, а по мѣрѣ успѣховъ учениковъ. За каждаго ученика, обученнаго чтенію и письму, начальнымъ истинамъ вѣры и четыремъ правиламъ ариѳметики и выдержавшаго экзаменъ, сколько бы времени онъ ни употребилъ на это, — будетъ выдаваемо пособіе до 20 р., если ученикъ жилъ во время ученія на своемъ содержаніи и до 40 р., если ученикъ жилъ на содержаніи учителя».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

соблюденіи всѣхъ условій искусства для отчетливаго и правильнаго изображенія рисунка въ подробностяхъ, и усовершенствованъ профессоромъ живописи академикомъ Императорской академіи художествъ С. К. Зарянкой. Работанъ самымъ превосходнымъ исполнителемъ на камнѣ художникомъ А. Т. Скино. Изданіе литографированное и литохромированное печаталось въ самой лучшей въ Москвѣ литографіи В. К. Бахмана съ 10 камней, т. е. въ 10 тоновъ. Размѣръ образа увеличенъ на $3^1/_2$ квадратн. вершка. Подробности о ходѣ этого дѣла будутъ напечатаны особой книгой.

ЦѢНА ЭКЗЕМПЛЯРУ
безъ оправы:

Безъ оправы. Литографированному, т. е. нераскрашенному, на китайской бумагѣ, наклеенной на портретной 30 к. Литохромированному, т. е. раскрашенному 1 р.

Въ оправѣ подъ бемскимъ стекломъ въ $21^1/_2$ кв. вершковъ. Въ рамкѣ жестяной на доскѣ 1 р. 35 к. Въ деревянной вызолоченной рамкѣ 3 р. Въ рѣзной вызолоченной створчатой рамѣ большаго размѣра за двумя стеклами 5 р. Въ сафьянной тисненной золотомъ 4 р. 50 к. Въ сафьянной, тисненной золотомъ, съ бронзовымъ вызолоченнымъ ободкомъ около фона 5 р. 50 к. Фоны, вѣнцы и позументъ литохромированныхъ образовъ отдѣланы разноцвѣтнымъ золотомъ и серебромъ самаго лучшаго достоинства, и образа высшихъ цѣнъ усовершенствованы ручной работой.

Цѣна экземпляру образа прежняго размѣра, т. е. въ 17 квадратныхъ вершковъ, другихъ литографій: нераскрашенному безъ оправы... Раскрашенному въ жестяной рамкѣ на доскѣ, подъ бѣлымъстекломъ 55 к.

Къ каждому экземпляру иконы, въ оправѣ и безъ оправы, нераскрашенному и раскрашенному, безплатно прилагается въ $1^1/_2$ печатныхъ листа книга: »Объясненіе, почему издапъ образъ Спасителя въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года«. Книга эта украшена двумя гравюрами, рѣзанными на камнѣ Г. Васильевымъ: на первой, изъ древней священной исторіи, Богъ даетъ Моисею законъ, опредѣляющій отношенія человѣка къ Богу и ближнему (Исх. хх, 1—18), и на второй, изъ новой священной исторіи, утвер-

жденіе и развитіе этого закона Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: Его нагорная проповѣдь. (Мат. V. VI и VII).

Желающіе пріобрѣсть такія иконы съ книгой обращаются въ иконную лавку Кіево-Печерской лавры, въ магазинъ Петра Барскаго и И. И. Шелихова на Крещатикѣ, а иногородные надписываютъ адресы и исключительно обращаются съ требованіями къ издателю Ардаліону Петровичу Каллистратову въ Кіевъ, Дворцовой части 3-го квартала, въ домъ Пащенковой № 50-й, прилагая пересылочныя деньги по почтовому положенію и на укупорку за 1 фунтъ 15 коп.; до 5 фунт. 50 коп.; до 10 ф. 75 коп.; до 15 ф. 1 руб.; до 20 ф. 1 руб. 20 коп.; до 40 ф. 2 руб.

Иконы безъ оправы, а также и въ дорогой оправѣ на коммиссію въ лавки не передаются. Ихъ можно получать непосредственно отъ издателя. Кромѣ выше поименованныхъ приглашаются и другіе коммиссіонеры всѣхъ городовъ и селеній, желающіе способствовать продажей распространенію этого изданія, и получаютъ условные проценты съ рубля, по предварительномъ сношеніи со мной.

Желающіе имѣть въ памятъ освобожденія крестьянъ Образъ Спасителя большаго размѣра на парусинѣ или доскѣ могутъ обращаться къ издателю съ заказами, предварительно списавшись о подробностяхъ заказа.

Издатель *А. Каллистратовъ*.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 20 Февраля 1863 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*

Въ Университетской типографіи.

ждение и развитіе этого закона Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: Его нагорная проповѣдь. (Мат. V. VI и VII).

Желающіе пріобрѣсть такія иконы съ книгой обращаются въ иконную лавку Кіево-Печерской лавры, въ магазинъ Петра Барскаго и И. П. Шелихова на Крещатикѣ, а иногородные выписываютъ, адресуя исключительно обращаются съ требованіями къ издателю Ардаліону Петровичу Каллистратову въ Кіевъ, Дворцовой части 3-го квартала, въ домѣ Пащенковой № 50-й, прилагая пересылочныя деньги по почтовому положенію и на укупорку за 1 фунтъ 15 коп.; до 5 фунт. 50 коп.; до 10 ф. 75 коп.; до 15 ф. 1 руб.; до 20 ф. 1 руб. 20 коп.; до 40 ф. 2 руб.

Иконы безъ оправы, а также и въ дорогой оправѣ на коммиссію въ лавки не передаются. Ихъ можно получать непосредственно отъ издателя. Кромѣ выше поименованныхъ приглашаются и другіе коммиссіонеры всѣхъ городовъ и селеній, желающіе способствовать продажей распространенію этого изданія, и получаютъ условные проценты съ рубля, по предварительномъ сношеніи со мной.

Желающіе имѣть въ память освобожденія крестьянъ Образъ Спасителя большаго размѣра на парусинѣ или доскѣ могутъ обращаться къ издателю съ заказами, предварительно списавшись о подробностяхъ заказа.

Издатель *А. Каллистратовъ.*

Печатать дозволяется. Кіевъ. 20 Февраля 1863 г. Цензоръ И. [illegible]

Въ Университетской типографіи